

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА. "НОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ" И "НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА"

1. *Традиционные направления во французской историографии в 40-60-е годы XX в.*

2. *Особенности изучения новейшей истории*

3. *Новые тенденции в развитии французской историографии в 70-е годы XX – начале XXI века.*

1. Соколовой М. Н. Современная французская историография: Основные тенденции в объяснении исторического процесса. - М., 1979.

2. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986,

4. Бродель Ф. Свидетельство историка // "Французский ежегодник". 1982, М. 1984.

5. Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980..

6. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов" М., 1993..

Продолжая и развивая традиции школы "Анналов" межвоенного времени, историки подвергли пересмотру тематику, исследовательские методы и само понимание предмета исторической науки. В результате возникла "новая историческая наука". В развитии французской историографии второй половины XX века выделяются два основных периода, границей между которыми можно считать приблизительно середину 70-х гг. Состояние исторической науки в первые послевоенные годы во многом определялось общественно-политической обстановкой, сложившейся во Франции после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Ее характерной чертой был небывалый подъем левых сил и рост влияния марксизма. В послевоенное время выросла и активизировалась группа французских историков-марксистов, формирование которых началось в 30-е годы: А. Собуль и К. Виллар.

Воздействие марксизма сказалось и на трудах многих других историков, не являвшихся марксистами. Марксистская терминология, в первую очередь такие понятия как "базис", "надстройка", "способ производства", "производственные отношения", "классовая борьба" прочно вошла в обиход. Однако, соглашаясь с отдельными марксистскими положениями, большинство историков отвергало общую теорию, методологию и, особенно, политические выводы марксизма.

В послевоенные годы сохранили свое влияние сторонники релятивистской "критической философии истории", которую до войны пропагандировал философ, социолог и политолог Раймон Арон. В послевоенный период наиболее известным сторонником "критической философии истории" стал историк античности А. И. Марру (1904-1977). Марру доказывал, что история не отделима от историка,

который неизбежно привносит в изучение прошлого свои субъективные взгляды, по-своему интерпретирует и обрабатывает исторические факты, вследствие чего "история будет тем, что он сумеет выработать". Марру признавал объективное существование исторической реальности, отраженной в содержании источников, считал историческое знание подлинным, достоверным, научным, но отрицал возможность полного и адекватного познания исторического процесса. Согласно Марру, в конечном итоге, "история - это не больше того, что мы считаем разумным принять за истину в нашем понимании той части прошлого, которую открывают наши документы. Как и в межвоенный период, релятивистские идеи не получили большого распространения среди французских историков. Решающее влияние на развитие французской историографии продолжали оказывать работы крупных историков школы "Анналов", а также работы Э. Лябрусса, П. Ренувена и Ж. Лефевра.

Направление "Анналов". После гибели Марка Блока, расстрелянного оккупантами в 1944 году за участие в движении Сопротивления, главой "школы Анналов" остался **Люсьен Февр**. Продолжая борьбу против традиционно-позитивистской "событийной" истории, Февр взывал "к другой истории", включающей в себе все стороны жизни и деятельности человека. Он предлагал постепенно переходить от изучения экономической и социальной истории, являвшейся главным предметом внимания "Анналов" межвоенного времени, к более широким темам: истории различных человеческих обществ, их экономическим основам, их цивилизациям. Большую роль в распространении и упрочении методологических принципов школы "Анналов" в послевоенные годы сыграли теоретические и полемические труды ее основоположников, особенно опубликованная посмертно в 1949 г. "Апология истории" Блока и сборник статей и рецензий Февра: "Битвы за историю" (1953) и "За целостную историю" (1962). Однако главные научные достижения школы "Анналов" в послевоенные годы были связаны с работами историков "второго поколения", лидером которого стал **Фернан Бродель** (1902-1985). Он видел задачу в создании "совершенно новой истории", которую он называл "глобальной", или "тотальной", (всеобъемлющей) историей, «чья пределы расширяются настолько, что охватят все науки о человеке».

Первым крупным трудом Броделя, в котором он предпринял попытку написать "глобальную историю" большого региона, было исследование "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II". Этот труд основан на тщательном изучении архивов Испании, Франции, Италии, Германии, Австрии, Ватикана и Дубровника. По словам самого Броделя, в первой части книги рассматривалась "почти неподвижная история", т. е. история взаимоотношений человека с окружающей его средой; во второй части - "история медленных изменений", или "структурная история", то есть развитие экономики, общества, государства и цивилизации; наконец, в третьей части, названной "События, политика и люди", изучалась быстротекущая "событийная история". Стремясь объединить историю и географию в единую "геоисторию", Бродель отводил особо важную роль среде обитания человека. Согласно его концепции,

степи и горы, возвышенности и низменности, моря, леса, реки и другие географические структуры определяют рамки деятельности человека, пути сообщения, а, следовательно, и торговли; местоположение и рост городов. На их основе возникают медленно изменяющиеся экономические и социальные структуры: общество, государство, цивилизация. Они служат фундаментом для сравнительно быстро меняющихся "конъюнктурных" политических событий, сравнимым по своей протяженности со временем человеческой жизни.

Основной особенностью методологического подхода Броделя было противопоставление прочных, устойчивых "структур" меняющимся "конъюнктурам" и еще более эфемерным "событиям", представляющим "пыль мелких фактов". Другой важнейшей методологической идеей, впервые высказанной Броделем в "Средиземноморье", была мысль о разных "скоростях" исторического времени. Он различал время "большой длительности", то есть время существования наиболее прочных "структур" и длительных процессов общественного развития, и короткое время - время быстро протекающих политических событий или индивидуальной жизни человека. По мнению Броделя, для историка наиболее интересны процессы большой длительности, ибо они определяют развитие человечества. В рамках "короткого времени" историку нечего делать; это, время хроникера. По существу, работа Броделя положила начало так называемой "структурной истории", которая видит свою главную задачу в изучении различных общественных "структур". Сам Бродель подчеркивал свое тяготение к "структурной истории". Он даже восклицал: "Долой событие!" Я лишь частично испытываю влечение к группе событий, имеющих общие признаки".

Поднятые Броделем вопросы о роли устойчивых общественных структур и различных скоростях протекания исторических процессов обогащали историческое мышление и открывали новые перспективы научного исследования, однако пренебрежительное его отношение к "событиям" и "короткому времени" вело к недооценке исторического значения сравнительно кратковременных, хотя и очень значительных событий (например, войн или революций), которые оказывали большое влияние на ход истории. Руководимый Броделем журнал "Анналы" систематически публиковал работы, посвященные процессам большой длительности и влиянию на них различных факторов: географических, климатических, демографических, психологических. Стремясь к междисциплинарным исследованиям, "Анналы" уделяли особое внимание разработке крупных комплексных тем, таких как "История и климат", "История и лингвистика", "История и психология" и т. п.

Удачную попытку создания "глобальной истории" в масштабе Лангедока предпринял ученик Броделя Эммануэль Ле Руа Лядюри. В его докторской диссертации "Крестьяне Лангедока" (1966) на основе тщательного исследования архивных документов были реконструированы статистические серии, воссоздающие картину производства всех основных видов сельскохозяйственной продукции, движения земельной собственности, эволюции цен и доходов, демографических изменений и положения крестьянства в течение 300 лет. По

словам самого автора, главное действующее лицо его книги - это "большой аграрный цикл, охватывающий период с конца 15 и до начала 18 в., наблюдаемый во всей его тотальности. На протяжении этого цикла чередовались фазы экономического подъема и упадка. Их смены Ле Руа Лядюри объяснил воздействием многих факторов: географических, климатических, биологических, экономических, культурно-психологических, но ни один из них, по его мнению, не является решающим. Сельское общество он рассматривал как устойчивое, стабильное, мало способное к изменению, динамика которого зависит от соотношения количества населения и наличных средств поддержания жизни.

В связи со школой "Анналов", но в значительной степени, самостоятельно развивались новые научные направления, прежде всего, изучение менталитета (взглядов, представлений, умонастроений). Выдающийся французский медиевист **Робер Мандру** положил начало его исследованиям. В своей докторской диссертации (1968) Мандру выяснил, как формировались представления о "нечистой силе"; почему в средние века устраивались процессы против ведьм, и почему потом они прекратились.

Изучение экономической и социальной истории. "Количественная история". Помимо школы "Анналов" крупную роль продолжала играть школа социально-экономических исследований, во главе которой стоял **Эрнест Лябрусс (1895-1988)**. Лябрусс глубоко изучил состояние общества Франции в XVIII веке. Он выдвинул концепцию, согласно которой французскую экономику XVIII века следует рассматривать как "экономику старого типа", основанную на преобладании сельского хозяйства и связанных с ним промыслов, со слабо развитой торговлей и плохими путями сообщения. Ведущей отраслью промышленности тогда была текстильная, а основным продуктом питания - хлеб. Эта, по выражению Лябрусса, "экономика хлеба и текстиля" неоднократно сотрясалась "кризисами старого типа", вызываемыми, главным образом, неурожаями, ростом цен на хлеб и последующим обнищанием населения. В период кризиса реальная заработная плата падала, промышленные и торговые предприятия закрывались, росла безработица, начинались социальные волнения, и в результате "кризис, явившийся следствием неурожая, приобретает общий характер". Самый острый из таких кризисов и положил, по мнению Лябрусса, начало Великой французской революции. В последующие годы Лябрусс продолжил свои исследования на материале истории XIX века. Он был организатором и одним из авторов коллективного труда "Аспекты кризиса и депрессии французской экономики в середине XIX века", а затем вместе с Броделем, стал организатором и редактором "Экономической и социальной истории Франции" в 4-х томах (1977-1982).

Объясняя причины революции 1848 г. и других кризисных ситуаций, Лябрусс продолжал исходить из своей теории "кризиса старого типа". С его точки зрения, в кризисе 1847 года, явившемся прологом революции 1848 г., "проявляется неоспоримое капитальное сходство как с более ранними кризисами XIX в., так и с предшествующими кризисами XVIII в." Подчеркивая сходство кризиса 1847 г. с предшествующими "кризисами старого типа", Лябрусс отвлекался от таких

важных процессов как промышленный переворот, изменение структуры населения, развитие капитализма, хотя теоретически не отрицал необходимости комплексного подхода к изучению истории. Он призывал историков "продвинуться в новые области, выяснить взаимовлияния, существующие между экономической жизнью и жизнью религиозной, национальной, семейной, нравственной, интеллектуальной.

К 60-м годам относятся первые французские попытки создания "количественной" ("квантитативной") истории, прежде всего в применении к экономической истории и исторической демографии. Следуя за американскими учеными, группа французских экономистов во главе с **Ж. Марчевским** выступила с идеей количественного исследования истории французской экономики. Главная мысль Марчевского состояла в том, чтобы использовать для оценки развития общества баланс народного хозяйства, включающий сведения о численности населения, состоянии сельского хозяйства, промышленности, торговли, уровне потребления и т. п. Марчевский полагал, что, сведя такие сведения в статистические серии и изучив их изменения на протяжении возможно более длительного периода времени, можно будет нарисовать картину исторического процесса, в которой, - по его собственным словам, - не будет "героев" и "отдельных фактов", а будут серии цифр, резюмирующие "историю масс в их главных проявлениях на протяжении периода большой длительности".

Сотрудники руководимого Марчевским "Института прикладной экономической науки" проделали немалую работу по сбору и публикации статистических сведений о промышленном и сельскохозяйственном производстве Франции в XVIII-XIX веках, а также о движении населения. Однако попытка Марчевского заменить историю своеобразной "исторической эконометрией" встретила критическое отношение со стороны ряда французских историков. Они указывали, что метод Марчевского применим лишь к экономической истории и лишь к периоду существования статистики (т.е. к XIX и XX вв.).

Изучение истории международных отношений. Ведущей фигурой в исследовании международных отношений был академик **Пьер Ренувен** (1893-1974). В послевоенное время Ренувен развивал свою идею о необходимости перехода от традиционной "дипломатической истории", изучавшей, по преимуществу, внешнеполитическую деятельность правительств, к более полной и широкой "истории международных отношений". В законченном виде его взгляды были выражены в коллективной восьмитомной "Истории международных отношений", изданной под руководством Ренувена в 1953-1958 гг., и в книге "Введение в историю международных отношений" (1964), которую он написал совместно со своим учеником Ж. -Б. Дюрозелем. Ренувен и Дюрозель доказывали, что самое важное в международных отношениях - это "история отношений между народами", а она объясняется, в первую очередь, "глубинными силами", которые, во многом, определяют деятельность государств и правительств. "Географические условия, демографические процессы, экономические и финансовые интересы, особенности коллективной психологии, главные течения общественного мнения и настроений - вот какие глубинные силы

определяют рамки отношений между группами людей и, в значительной степени, их характер", - писали авторы. Однако, признавая, как и Бродель, огромное значение процессов "большой длительности", Ренувен решительно возражал против пренебрежительного отношения к "событиям". Вопреки Броделю, он видел в событиях политической жизни и в деятельности историческим личностей не "пыль мелких фактов", но "важный, а иногда и основной фактор" развития международных отношений. Ренувен и Дюрозель считали, что на международные отношения влияет множество факторов, причем, в зависимости от обстоятельств, то один, то другой из них могут сыграть "решающую роль". В соответствии с этим в "Истории международных отношений", наряду с изложением главных событий политической и дипломатической истории, приводились данные о развитии науки и техники, социально-экономическом положении, национальных движениях и коллективной психологии в различных странах. Вопреки прежней практике, исследованию подвергались не только Европа и США, но и другие части света. Впервые для таких изданий изложение доводилось до 1945 года, захватывая значительную часть периода новейшей истории. Начатое Ренувеном обновление прежней "дипломатической истории", особенно признание важнейшей роли "глубинных сил", повлекло за собой сближение социально-экономической истории и истории международных отношений.

Первую попытку исследовать проблемы менталитета применительно к истории международных отношений предпринял известный историк **Рене Ремон**. В своей докторской диссертации "Соединенные Штаты в глазах французского общественного мнения (1815-1852)", опубликованной в 1962 г., он выяснил, как и под влиянием каких событий, в различных слоях населения Франции формировались представления об Америке и американцах.

Изучение истории Великой французской революции. Очень большую роль в развитии послевоенной французской историографии сыграл **Жорж Лефевр** (1874-1959). Лефевр считал необходимым обновление методов исторических исследований и расширение их проблематики. В сборнике "Размышления об истории" (1978), Лефевр подчеркивал важность изучения экономической и социальной истории, положения народных масс, социальной психологии. К числу первоочередных задач исторической науки он относил применение количественных методов, изучение географических и биологических факторов эволюции общества. Так же как основатели школы "Анналов", Лефевр призывал историков "мыслить проблемами", но предостерегал от скороспелых и недостаточно обоснованных обобщений, подчеркивая, что "без эрудиции нет историка».

Лефевр не разделял свойственного школе "Анналов" пренебрежительного отношения к "событиям" и "короткому времени"; к политической истории, революционному движению и биографии исторических деятелей. В своих конкретно-исторических работах написанных в послевоенный период: "Директория" (1946), "Французская революция" (1951), "Орлеанские этюды" (изданы посмертно в 1962-1963 гг.), Лефевр продолжил исследования борьбы классов, столкновений партий и революционных деятелей. Лефевр возглавил

группу французских и зарубежных историков, которые высоко оценивали историческую роль революции, и деятельность якобинцев. Представители этого направления, именовавшего себя "якобинским", уделяли главное внимание задаче: исследованию революционного процесса "снизу"; т. е. с точки зрения положения и борьбы народных масс.

Крупный вклад в ее решение внес ученик Лefевра, историк-марксист **Альбер Собуль** (1914-1982). Если Лefевр изучал положение, настроения и действия крестьян, то Собуль предпринял исследование другой важнейшей массовой силы революции - народных масс города, санкюлотов. В своей докторской диссертации "Парижские санкюлоты во 2-м году республики" (1958) и в ряде других работ Собуль на основе громадного архивного материала исследовал социальную структуру трудового населения Парижа в революционную эпоху, изучил его организацию, устремления и чаяния. Впервые в исторической литературе он всесторонне показал роль санкюлотов в развитии революции. По его мнению, "точно так же, как и самостоятельное крестьянское движение, в рамках революции существовало и развивалось специфическое движение санкюлотов", которое требовало "эгалитарной и народной республики". Благодаря действиям санкюлотов "была свергнута Жиронда и либеральная республика", а затем создано Революционное правительство во главе с Робеспьером, опиравшееся на союз "монтаньярской буржуазии и парижских санкюлотов". Пока перед революционной Францией стояла угроза военного поражения, этот союз обеспечивал устойчивость и силу Революционного правительства, но после первых крупных военных побед революции "основное противостояние между буржуазией и парижскими санкюлотами" вышло на первый план; их союз распался и произошел термидорианский переворот. Санкюлотам "не удалось достигнуть своих собственных целей", но их движение, способствовало историческому прогрессу благодаря решающей помощи, которую оно оказало буржуазной революции».

В последующие годы Собуль обратился к исследованию проблем ликвидации феодальных отношений в аграрном строе. Критикуя утверждения историков, отрицающих антифеодальный характер французской революции, Собуль доказывал живучесть феодальных отношений и роль революции в их уничтожении. Работы, посвященные этим сюжетам, объединены в книге "Крестьянские проблемы революции. 1789-1848." (1977). Он создал также получившие широкое распространение общие труды по предыстории и истории революции, в том числе "Очерки истории французской революции" (1962), "Первая республика" (1968), "Цивилизация и французская революция" (3 т., 1970-1982).

Иное течение в изучении Французской революции представлял профессор Тулузского университета **Жак Годшо** (1907-1989). Автор широко известных трудов, "Учреждения Франции во время революции и Империи", "Контрреволюция. Доктрина и действие" (1961), Годшо в течение многих лет разрабатывал проблему международного влияния Французской революции 1789 г., а также историю ее восприятия в странах Европы и Америки. Этим проблемам

был посвящен его капитальный труд "Великая нация. Революционная экспансия Франции в мире от 1789 до 1799" (1956 г., второе переработанное издание- 1983 г.).

На основе своих исследований Годшо (совместно с известным американским историком Р. Палмером) выдвинул концепцию, по которой многочисленные революционные движения, происходившие в последней трети XVIII в. в Западной Европе и Америке (в том числе Война за независимость в Северной Америке и Французская революция) представляют собой в совокупности объединенную общим содержанием "атлантическую революцию". Итогом ее явилось утверждение по обе стороны Атлантики существующей до наших дней Западной или Атлантической цивилизации.

Изучение "старого порядка" и народных движений XVII-XVIII вв. Значительное место во французской историографии 40-60-х годов заняло изучение дореволюционного "старого порядка" и народных движений XVII-XVIII вв. Ведущую роль в этих исследованиях играл профессор **Ролан Мунье**. Докторская диссертация Мунье "Продажа должностей при Генрихе IV и Людовике XIII", (1945 г.), ввела в науку громадный, тщательно обработанный материал, показывающий связь продажи должностей с изменениями в социальной структуре и государственных учреждениях французского общества. В дальнейшем Мунье расширил проблематику своих исследований, занимаясь, главным образом, историей государственных и иных учреждений. Итогом его многолетних исследований в этой области стала монография "Учреждения Франции при абсолютной монархии" (т. 1-2, 1974-1980). Полемизируя с историками-марксистами, Мунье утверждал, что дореволюционное общество "старого порядка" состояло не из классов, которые тогда еще не сформировались, а из более мелких и разнородных слоев - "страт". По его теории "социальной стратификации", в основе социальной иерархии общества лежат не столько экономические производственные различия, сколько "система ценностей" то, что в каждой социальной группе или "страте" считается истинным, хорошим, красивым, следовательно, желанным. Именно на этой основе, считал Мунье, следует изучать и воссоздавать социальную структуру общества - от системы ценностей к социальной структуре, а не наоборот. По мнению Мунье, лишь в XIX в. можно говорить о социальных классах, основанных на экономических различиях, но и в этом случае ведущую роль играли представления о системе ценностей. Разница лишь в том, что в сознании людей XIX века, в отличие от XVII-XVIII вв., "социальное почтение, социальное превосходство, честь, достоинство" переместились в область производства материальных благ.

Давая общую характеристику общества "старого порядка", Мунье отказывался считать его феодальным. Он исходил из юридического понимания феодализма как системы взаимоотношений вассалов и сеньоров, и доказывал, что в XVII-XVIII веках такой системы во Франции уже не существовало. Народные восстания того времени не были, по мнению Мунье, классовой борьбой против феодалов, ибо нередко их зачинщиками являлись фрондирующие аристократы или буржуа, главным побудительным мотивом которых был протест против

налогов, а не против феодальной системы. Мунье не усматривал в таких восстаниях какого-либо прогрессивного содержания и считал их реакционными. С этих позиций он вступил в спор с советским историком Б. Ф. Поршневым, - доказывавшим, что народные восстания XVII-XVIII вв., были проявлением классовой борьбы между народными массами и их эксплуататорами, борьбы, которая расшатывала и ослабляла феодально-абсолютистский строй.

Изучение рабочего и социалистического движения. Одной из характерных черт послевоенной французской историографии был интерес к истории рабочего и социалистического движения. С конца 40-х годов история рабочего движения, к которой раньше обращались лишь немногие авторы, стала самостоятельной научной дисциплиной. В 1949 г. был основан Французский Институт социальной истории, главная задача которого состояла в сборе и хранении документов по истории рабочего движения. С 1960 г. Институт издает журнал "Социальное движение" главным вдохновителем которого был **Жан Мэтрон (1910-1987)**. В 1951 г. была защищена докторская диссертация Мэтрона "История анархистского движения во Франции. 1880-1914 гг." Исследовав архивы, печать и сочинения анархистов, Мэтрон впервые дал подробный анализ французского анархистского движения и его доктрин, выявил социальный состав анархистов, исследовал деятельность их организаций. Следующей докторской диссертацией по истории рабочего движения была работа **Анни Крижель "У истоков французского коммунизма"**, опубликованная в 1964 г. Она критиковала основателей ФКП за то, что они по примеру русских большевиков порвали с реформизмом и встали на путь революционной борьбы. По ее мнению, образование компартии было "искусственной прививкой русского коммунизма на дерево французского социализма", которая стала возможной лишь благодаря случайному стечению обстоятельств, в первую очередь краху реформистов во время первой мировой войны и победе Октябрьской революции в России. Осуждая коммунистов, которые не хотели отказаться от "революционного мифа", Крижель считала, что все практические достижения рабочего движения были получены только реформистским путем.

Существенный вклад в науку внесла диссертация известного историка-марксиста **Клода Виллара "Гедисты. Социалистическое движение во Франции (1893-1905)"**. На основе широкого круга источников, в первую очередь огромного количества архивных документов, а также печати, воспоминаний и переписки деятелей социалистического движения Виллар тщательно исследовал процесс проникновения марксизма во Францию, взгляды гедистов, их пропагандистскую и организационную деятельность и политические позиции. В центре его внимания - социальный состав созданной гедистами Французской рабочей партии, деятельность местных организаций и рядовых активистов, то есть, изучение социалистического движения "снизу".

В связи с изучением рабочего и социалистического движения оживился интерес к Парижской коммуне. В 1960 г. вышел в свет подготовленный историками-марксистами коллективный обобщающий труд "Коммуна 1871 года", (2-е изд. 1971.), а в 1971 г. - пятитомная, богато иллюстрированная "Большая

история Коммуны" под редакцией И. С. Сориа. Исходя из марксистской концепции Парижской коммуны как революции пролетариата против буржуазии, авторы этих работ уделили большое место деятельности массовых общественных организаций, революционным выступлениям в других городах, фактам международной солидарности с Парижской Коммуной.

Исследование Парижской коммуны "снизу", путем выяснения социальной принадлежности и происхождения рядовых коммунаров предпринял историк Жак Ружери в книге "Процесс коммунаров" (1964). Подробно изучив материалы судебных процессов, организованных версальцами против коммунаров, он обратил особое внимание на связь Парижской коммуны с революционным движением прошлого. В полемике с историками-марксистами Ружери заявил, что Коммуна - это не предвестник будущего общества, а "крайний и заключительный момент французского революционного движения XIX века", его "закат, а не заря".

Колониальная тема в историографии и публицистике. Колониальные войны, а затем распад колониальной империи стимулировали интерес к истории французских колоний. В 50-60-е годы появился ряд научных исследований колониальной политики Франции и ее связи с экономическими интересами крупнейших банков и фирм. Часть историков считала главной причиной колониальной экспансии экономические интересы, другая часть видела движущие силы французской колониальной политики в борьбе наций за гегемонию и престиж, в политических и идейно-психологических факторах. Так, видный историк Анри Брюншвиц в книге "Мифы и реальность колониального французского империализма", считал "мифом" представление о решающей роли крупного капитала в захвате колоний. Он доказывал, что эксплуатация колоний была убыточна, и заявлял, что "подлинную причину экспансии надо искать в росте националистической лихорадки, последовавшей за событиями 1870-1871 гг

Образование на месте бывших колоний новых независимых государств пробудило интерес к истории их коренного населения. В книге профессора Г. Дешана, и вышедшем под его руководством коллективном труде "Всеобщая история Черной Африки" (1970-1971) были рассмотрены условия жизни и труда населения Африки от доколониального периода до наших дней. Историки стали изучать структуру и состав коренного населения колоний, социальные конфликты и национальные движения в них. Они отказывались от преобладавшей ранее мысли о полной застойности традиционных африканских обществ и стремились показать их развитие.

Профессор Сорбонны Ш.-А. Жюльен, начавший исследование французской колониальной политики еще в межвоенный период, опубликовал ряд новых работ, в том числе "Историю современного Алжира" (1964), в которых доказывал, что "колониальный империализм является одной из форм экономического империализма.

ИЗУЧЕНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ. Бурные события военных и послевоенных лет вызвали большой общественный интерес к истории современности. Ее научное изучение серьезно затруднялось действовавшим до 1979 г. законом об архивах, по которому историкам не разрешался доступ к

архивным документам менее полувековой давности. Значительная часть французских историков вообще считала, что события новейшей истории слишком близки к современности, вызывают чрезмерные страсти и поэтому не могут быть предметом объективного научного анализа.

В отличие от трудов по медиевистике и истории нового времени, работы по новейшей истории обычно носили "событийный" характер и уделяли главное внимание не социально-экономическим проблемам или менталитету, а традиционно понимаемой политической истории.

История второй мировой войны. В 40-60-е годы специалисты по новейшей истории уделяли наибольшее внимание истории второй мировой войны. Французское правительство вскоре после освобождения страны создало специальный Комитет по истории второй мировой войны при премьер-министре Франции. Основателями комитета были известные историки Л. Февр, П. Ренувен, Э. Лябрусс, **Анри Мишель**. Комитет организовал сбор документов о движении Сопротивления и правительстве Виши, с 1950 г. выпускал журнал "Обозрение истории второй мировой войны". Группировавшиеся вокруг его историки исследовали различные организации Сопротивления, их состав и политические устремления, взаимоотношения с генералом де Голлем, борьбу против оккупантов и правительства Виши. Самой крупной работой этого направления была книга Мишеля "Мысль Сопротивления" (1962). В ней Мишель проанализировал идеологические установки, политическую линию и проекты государственного устройства, выдвинутые различными группировками Сопротивления. Он показал, что "от борьбы против врага Сопротивление перешло к заботам о будущем; от военных действий к политике, от армии к правительству", причем, в этом процессе победили две главные силы: коммунистическая партия и генерал де Голль.

Историкам, защищавшим Сопротивления, противостояли историки и публицисты, оправдывавшие политику правительства Виши. Наиболее видной фигурой этого направления был **Робер Арон**, автор неоднократно переиздававшихся книг "История Виши" и "История освобождения". Односторонне подбирая, а иногда и подтасовывая факты, Арон представлял вишистов защитниками интересов Франции, утверждая, что глава правительства Виши маршал Петэн был "щитом", а де Голль - мечом Франции.

История Франции в политологических исследованиях. Послевоенные годы были временем быстрого роста политических наук, которые включили в тематику своих исследований некоторые проблемы новой и новейшей истории Франции. Ведущим специалистом в этой сфере был **Андре Зигфрид** (1875-1959), а после его смерти - **Франсуа Гогель**. Главных направлений их научной деятельности были исследования по избирательной географии. В 1951 г. вышла в свет книга Гогеля "География французских выборов с 1870 по 1951 годы». Составив подробные карты голосования избирателей по каждому департаменту, Гогель показал, как с течением времени менялось влияние различных политических течений и партий. Гогель не считал географический фактор определяющим и обращал внимание не только на устойчивые тенденции в

голосовании избирателей, но и на их изменения. По его мнению, поведение избирателей определяется многими факторами, причем "взаимное влияние политических, экономических, социальных, религиозных и исторических данных меняется от одного района и от одного периода времени к другому.

Важнейшим направлением исследований являлось изучение политических партий. Крупнейшими специалистами в этой области в 40-60-е годы были профессор **Морис Дюверже** и профессор **Рене Ремон**. Дюверже ввел принятую ныне во Франции классификацию политических партий на "массовые" и "кадровые" в зависимости от их организационной структуры и системы функционирования. Не соглашаясь с марксистами, считавшими политические партии наиболее сознательными представителями социальных классов, Дюверже, тем не менее, уделил большое внимание взаимодействию партий и классов. В 1955 г. под его руководством вышел коллективный труд "Политические партии и социальные классы во Франции", содержащий богатый материал о составе, деятельности и влиянии всех основных политических партий Четвертой республики.

В неоднократно переиздававшейся книге Ремона "Правые во Франции" (1-е издание 1968 г.) впервые была нарисована общая картина идеологии различных правых группировок: легитимистов, орлеанистов, бонапартистов, - от 1815 года до наших дней.

С начала 50-х годов во французской политологии стала распространяться заимствованная из США теория "индустриального общества", главным пропагандистом которой стал **Раймон Арон** (1905-1983). Многочисленные работы Арона 50-60-х годов были посвящены главным образом проблемам "индустриального общества", теории международных отношений и современной истории Франции, а также критике учений о прогрессе человеческого общества. Арон осуждал "анархический парламентаризм" Четвертой республики, который, по его мнению, не способствовал потребностям "индустриального общества" и поэтому политический режим стал нежизнеспособным". Возникновение Пятой республики он расценивал как "мирную революцию", которая открывает Франции "путь к современной цивилизации.

"Новая историческая наука". В 70-е годы во французской историографии начался новый период. Марксистское направление значительно ослабло. Теории структурализма и выдвинутая Броделем концепция "глобальной истории" также не удовлетворяли многих историков. Это привело к созданию "новой исторической науки" или, - как ее чаще именуют во Франции, - "новой истории", которая опиралась на достижения школы "Анналов", но и значительно отличалась от нее. Манифестом нового направления, где впервые зазвучал термин "новая история", стал трехтомный сборник статей "Создавать историю", вышедший в 1974 г. под редакцией известного медиевиста ученика Броделя **Жака Ле Гоффа** и политолога **Пьера Нора**. Его авторы заявили о своем намерении создать "новый тип истории" и наметить "пути, по которым движется или должна двигаться будущая история".

Историков призывали осознать "относительность их науки", понять, что ученый неразрывно связан с обществом, зависит от его системы ценностей, а потому, вольно или невольно, отбирает, группирует и, следовательно, - согласно терминологии редакторов, - "конструирует" или даже "фабрикует" исторические факты в соответствии со своими убеждениями и представлениями. Вопреки взглядам Броделя, авторы сборника считали необходимым "возвращение события" и "короткого времени" в сферу внимания историков. Они выступали с надеждой, что обновленная "политическая история сможет играть главную роль". Они отмечали "раздробление истории" на отдельные, мало связанные друг с другом, направления исследований. В третьем томе сборника были собраны статьи по таким вопросам, которые раньше не привлекали историков, например история климата, молодежи, болезней и медицины, роль мифов, праздников, кинофильмов. Таким образом, в поле зрения историка включались темы, казавшиеся ранее несущественными, а теперь рассматриваемые как неотъемлемые аспекты жизни общества. Одной из главных отличительных черт "новой истории" стало широкое применение количественных ("квантитативных") методов исследования. По примеру США французские историки начали использовать компьютеры, которые позволяли проводить машинную обработку массовых источников по составленной заранее программе. В 1974 г. **Ле Руа Лядюри** заявил: "Будущий историк будет программистом или его вовсе не будет". Другим признаком обновления исторической науки было расширение и раздробление ее тематики на ряд направлений, использующих достижения смежных наук: демографии, антропологии, этнографии, психологии, лингвистики, климатологии. Экономическая и социальная история в их прежнем виде уступили ведущую роль исследованиям менталитета. Большинство французских историков перешло от изучения социально-экономического базиса общества к его идейно-психологическим надстройкам. Центр тяжести переместился с экономики на менталитет; на историю коллективных представлений и чувств, а также на антропологию и биологию человека, исследование классов и других социальных групп уступили место изучению индивидуального образа жизни и мотивов поведения людей.

Историческая демография выделилась в особую дисциплину, систематически применявшую количественные методы. Зародилась и стала стремительно расти историческая антропология, изучающая, главным образом, биологические аспекты жизни человеческих обществ: рождение, смерть, болезни, состояние гигиены и т.п. Историки начали изучать отношение людей к жизни и смерти, выявляемое, главным образом, на основе их завещаний, надгробных надписей, вкладов в церкви, а также иконографии.

Предметами специальных исследований стали празднества, символы, мифы, история ритуалов, "история общения" и "история воображаемого". В работе "За другие средние века" (1977) **Ле Гофф** впервые исследовал представления средневекового человека о времени, его отношения к труду, его мир и культуру. Известный историк Даниель Рош в докторской диссертации "Век Просвещения в провинции" (1973) рассмотрел "социально-культурную среду" и историю

общения во Франции XVII и XVIII веков, в том числе уровень грамотности и религиозности, представления людей об окружающем их мире, деятельность научных обществ и других просветительских организаций, формировавших общественное мнение и создававших новые формы общения.

Крупным шагом в изучении истории коллективных представлений стал капитальный 5-томный труд "Места памяти", опубликованный в 1984-1986 гг. под редакцией П. Нора. Его авторы исследовали различные "места памяти", то есть все то, что может служить сохранению памяти о прошлом, в том числе эмблемы, символы, памятники, праздники, архитектурные сооружения, учебники, словари, календари, исторические произведения, легенды и многое другое. Они стремились создать историю коллективных представлений, выяснить, как формировались и закреплялись в памяти различных поколений, например, такие понятия, как "нация" и "республика".

Школа "Анналов" в 70-80-е годы. Большой вклад в создание "новой исторической науки" внесло "третье поколение" школы "Анналов", которые в начале 70-х годов сменило поколение Броделя. Наиболее видными представителями третьего поколения были Эм-мануэль **Ле Руа Лядюри**, **Жак Ле Гофф** и **Марк Ферро**. Журнал "Анналы" существенно изменил свою тематику, направив главное внимание на историю менталитета и историческую антропологию. Специальные номера журнала были посвящены темам "Биологическая история и общество", "История и урбанизация", "История и структура", "Семья и общество", "История и окружающая среда", "Вокруг смерти", "Антропология Франции", "Врачи, медицина и общество". "Анналы" 70-80-х годов публиковали специальные исследования о состоянии питания французского населения, потреблении мяса и картофеля, продаже соли, об эпидемиях, преступности. Не отказываясь, в принципе, от "глобальной истории" и исследований "большой длительности", новая редакция журнала заявила, что она будет изучать и сравнительно кратковременные исторические события; уделит большее внимание политической истории и истории современности.

Ле Руа Лядюри особенно привлекла "деревенская цивилизация", с ее медленно текущей, "неподвижной историей", сохраняющей на протяжении нескольких веков приблизительно одинаковую численность населения, уровень производства и потребления, почти неизменный образ жизни. В книге о небольшой пиренейской деревушке Монтайю он дал образец детального историко-антропологического исследования, тщательно проанализировав жилища, одежду, питание, образ жизни и времяпрепровождение жителей этой деревни в XIII-XIV веках.

Работы Марко Ферро были посвящены главным образом изучению кино как исторического источника, а также проблемам преподавания и восприятия истории. Фактически "третье поколение" школы "Анналов" значительно удалилось от направления Броделя, который сосредоточился на завершении фундаментального исследования "Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв." По словам Броделя, он стремился найти ответ на вопрос: "Каким образом тот строй, та сложная система жизни, тот всемирный

Старый порядок мог прийти в негодность и сломаться, достигнуть пределов возможного, а затем выйти за них? И почему это произошло лишь к выгоде небольшой привилегированной части населения планеты?". В центре внимания Броделя находились три главных пласта жизни общества: повседневная "материальная жизнь", рыночная экономика и "капитализм", (точнее торговый и финансовый капитал). В первом томе, названном "Структуры повседневности", Бродель изучал сферу повседневной жизни людей. Считая, что "материальная жизнь - это люди и вещи, вещи и люди", он подробно рассмотрел динамику населения различных районов мира, системы питания, одежду, жилище, технику, транспорт, денежное обращение, роль городов, противоречия между богатыми и бедными, отыскивая «правила, которые слишком долго удерживали мир в довольно трудно объяснимой стабильности».

Во втором томе Бродель поставил перед собой задачу исследовать " всю совокупность механизмов обмена", а именно "рыночную экономику" и "капитализм", к которому автор относил банковский кредит, спекуляцию, торговлю на дальние расстояния и образование мирового рынка. В обобщенной форме Бродель рассматривал также "социальные иерархии", роль государства и, - еще более кратко, - "революции и классовые бои". В третьем томе "Время мира", - вся мировая экономическая история была представлена в хронологическом порядке на протяжении четырех столетий как чередование и взаимодействие нескольких крупных "экономических миров": Евро-Атлантического, Урало-азиатского и Дальневосточного. Этот труд внес большой вклад в изучение материальной культуры и экономики общества, хотя, политическим событиям было уделено мало внимания.

В последней, оставшейся неоконченной, книге Броделя "Облик Франции", автор применил принципы, разработанные им, к истории Франции. Главными темами его исследования стали "Пространство и история" (т. 1), "Люди и вещи" (т. 2). Природа Франции, ее меняющиеся границы, леса, горы, реки, города и деревни, эволюция населения, его пища, одежда, жилища, развитие экономики, которая вплоть до XX века оставалась "крестьянской экономикой", все это складывается в созданный Броделем образ Франции.

Дискуссии о Великой французской революции. Видное место во французской историографии 70-80-х годов заняла проблема Великой французской революции. С начала 70-х годов группа историков во главе с **Франсуа Фюре** предприняла попытку пересмотреть ("ревизовать") прежние представления о революции, изложенные в трудах сторонников "якобинского" направления (от Матьеза до Собуля) и дать "новую интерпретацию" революционных событий. Самым известным произведением этого направления, ("ревизионистского"), была книга Фюре "Осмыслить революцию" (1978). Фюре и его единомышленники атаковали марксистскую и вообще "традиционную" концепцию, по которой Великая французская революция носила антифеодальный, буржуазный характер, а ее высшим этапом являлась якобинская диктатура. С их точки зрения, в 1789 г. произошла "не одна революция, а столкновение трех революций": революции либеральной элиты, революции крестьян и революции санкюлотов. Только

"революция элиты" - просвещенного либерального дворянства и верхушки буржуазии, воодушевляемых "волей к обновлению", являлась, по мнению Фюре, прогрессивной. Напротив, крестьянская и санкюлотская революции, проникнутые эгалитарными идеями, мешали прогрессивному развитию общества по пути капитализма. Особенно отрицательную роль сыграла якобинская диктатура, ибо в это время революцию, по выражению Фюре, "занесло" в сторону от верного пути, намеченного либеральной элитой. Лишь термидорианский переворот положил конец "заносу", и французская история "возобновила свой ход, который более чем на столетие становится либеральным и буржуазным".

Фюре объявил "мифом" марксистскую трактовку революции как перехода от феодализма к капитализму. Он доказывал, что она не была "разрывом" с феодализмом который, по его мнению, исчез еще до революции. Дореволюционное французское общество при Людовике XVI, согласно Фюре, больше всего похоже на французское общество при Луи-Филиппе в первой половине XIX в., и, следовательно, революция не ускорила, а замедлила экономическое развитие Франции. Главным содержанием революции Фюре считал не социально-экономические преобразования, а создание демократической политической культуры. По его мнению, это была "идеологическая и политическая революция Просвещения", которая не может анализироваться в рамках экономических и социальных противоречий. В последующих работах он продолжал критиковать сторонников социальной интерпретации революции, доказывая, что ее итогом было утверждение парламентского режима и демократических порядков. В книге "Революция. От Тюрго до Жюль Ферри. 1770-1880" он расширил хронологические рамки революции на целое столетие, потому что только победа республиканцев над монархистами в 1876-1877 гг. дает новой Франции режим, который надолго обеспечивает действие всей совокупности принципов 1789 года. Критики революции обвиняли ее в разрушении экономики, в массовом терроре, в создании тоталитарного режима.

Историки "якобинского" направления выступили против "ревизионистов". В их коллективной работе "Современная Франция: идентичность и мутации с 1789г. до наших дней" был по-новому поставлен вопрос о переходе Франции от феодализма к капитализму. Отрицая наличие общей для всех стран модели такого перехода, ее авторы доказывали, что "существует французский путь развития капитализма", отличающийся большой ролью крестьянства, замедленной промышленной революцией и высокой политической активностью народных масс, которая "нашла при Французской революции свое первое сознательное и организованное проявление".

Продолжало развиваться и якобинское направление. Ги Лемаршан в докторской диссертации "Конец феодализма в области Ко" (1989) исследовал количественными методами социально-экономические и демографические аспекты развития одного из районов Нормандии и показал, как борьба феодальных и капиталистических элементов, в конце концов, привела к революционному взрыву 1789 года. Клод Мазорик в книге "Якобинизм и революция. Вокруг двухсотлетия 1789 г." (1984) проанализировал основные

спорные проблемы революции и пришел к выводу, что Великую французскую революцию можно рассматривать как "специфическую буржуазно-крестьянскую революцию", а "якобинский феномен - как выразителя самой сущности этой революции". Мишель Вовель предпринял всестороннее изучение "революционного менталитета", уделив особое внимание поведению революционных активистов и революционной толпы, мотивам их действий, повседневной жизни людей в годы революции, новым революционным ценностям. Предметом его исследования впервые стали такие темы как страх, насилие, любовь, смерть, праздник, героизм, отношение к религии.

Некоторые тенденции развития Французской исторической науки в 80-е - 90-е годы. В 80-е - 90-е годы французская историческая наука вступила, меняя свои поколения. Скончались самые известные французские историки: Ф. Бродель, Э. Лябрусс, Ж. Дюби, Ф. Фюре. Достигнув пенсионного возраста, ушли в отставку бывшие "молодые директора" *Анналов* Э. Ле Руа Лядюри, Ж. Ле Гофф, М. Ферро. Часть историков разочаровалась в прежних теоретических и методологических принципах. По их мнению, идеал "глобальной истории" оказался практически недостижимым; сосредоточение внимания на долговременных общественных "структурах" привело к представлению о неподвижности истории; количественная история, хотя и дала ряд ценных исследований по отдельным вопросам, не смогла дать общую теорию исторического развития.

Во французской историографии возродился интерес к "событию" и "короткому времени"; описание вновь стали считать неотъемлемой частью исторического исследования; рассказ о событиях прошлого опять занял почетное место наряду с анализом исторических проблем. Некоторые французские историки начали заниматься "микроисторией", то есть пристальным изучением отдельных, сравнительно мелких, событий общественной или частной жизни.

Главное место во французской историографии 80-х - 90-х годов заняла обновленная политическая история и культурология. "Возвращение политической истории" стало одним из главных историографических фактов последних 15 лет. Традиционное изучение политических событий и учреждений она обогатилось новыми подходами, позволившими изучать процессы принятия решений, мотивы коллективного поведения, формирование образа своей страны и других стран, роль символов и стереотипов мышления. Вместе с политической историей вернулась обновленная военная история, которую школа "Анналов" времен Броделя глубоко презирала. Историю войн, сражений и походов она дополнила изучением отношений армии и общества, социального состава и психологии военных.

Изучение ментальности и исторической антропологии осталось важным направлением научных исследований, однако центр внимания переместился в область истории культуры. Культурологию французские ученые рассматривают очень широко, включая в нее все формы духовной жизни, системы ценностей, идеологические и религиозные течения, труд, развлечения, ритуалы и многое другое. Культурологи занялись и такими темами, которые раньше вообще не

изучались, например, историей "отклоняющегося поведения", историей маргинальных групп населения, историей сексуальности, историей женщин. В 1991 г. под редакцией **Ж. Дюби** и **М. Перро** была издана пятитомная "История женщин с античности до наших дней", которая послужила образцом для аналогичных изданий в других странах.

Бурный подъем переживает история современности. По словам французских историков, в этой области произошла "маленькая интеллектуальная революция". Историки осознали, что "историческая дистанция" вовсе не гарантирует беспристрастности исследования, а архивные документы не всегда являются наиболее достоверными. Современная история стала общепризнанной и уважаемой частью исторической науки. В 1979 г. срок доступа к архивным документам сократился с 50 до 30 лет. С 1982 г. история послевоенного времени была включена в школьные программы и учебники. Появился научный журнал "Двадцатый век", в котором современная история занимает очень большое место.

Диссертации по новейшей истории стали принимать к защите в университетах. Если раньше большинство диссертаций было посвящено средневековой или новой истории, то теперь преобладают диссертации по истории XX века. Новейшая история завоевала "львиную долю" в книжной продукции.